

Илай Колесников

«Честность»

приключения
2020

0+

Илай Колесников

Честность

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Колесников И.

Честность / И. Колесников — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Люди - Боги, и они всемогущи. Но они не знают, чего они хотят. «Чего же они хотят и чего им действительно стоит хотеть?». Книга - ответ на вопрос в развёрнутой, немного обобщенной форме. Она, как цветок сакуры, прорастает, чтобы скоро ярко зацвести.

Илай Колесников

Честность

Предисловие.

Старик шел, держа свою недоделанную лодку сверху. Он укрывался ею от только-только наступившего дождя. Светало. Дело было в горах Норвегии. Алое скалистое солнце так и норовило выскочить из-за туч, поднимаясь в небе земистой радугой.

Да, красива природа в горном лесу. Но скажите, скажите, не сложно ли вам будет до него добраться? Все мы однажды попадаем в такой лес, укрываясь от дождя трудностей своей недостроенной лодкой. Все мы чувствуем себя в такие моменты старыми. Чувствуем настолько, что готовы сдаться, вот-вот, как наш старик-он только что, поскользнувшись на очередном камне, упал лицом прямо в грязь, по пути приминая оставшиеся части лодки. Но старик поднялся, прошел весь этот день от рассвета до заката, и вечером, на макушке одной из гор организовал привал, поставив палатку. Там он искупался в чистейшем озере, отмылся от былых надежд и из того, что можно было еще собрать, снова собрал корпус лодки, а из того, чего было уже нельзя-развел костер. Сел на бревнышко, глядя в вечность, и начал думать: «Почему так мало людей в реальности доходят до моря? Им, что, неинтересно посмотреть, что там впереди? Или, быть может, они и вовсе не знают, что есть море? Но как же так? Для чего же тогда они все строят лодки? Ведь лодки-то строят почти все. Стра-анные..». Старик покурил папиросу молодости, глядя вниз, туда, откуда он пришел. Там всюду было влажно и зелено, почти как в тропических лесах, лишь в норвежских. Докурив до половины, поворочав чуть легонько бодростью свой мысленный костер, заметил внизу единственный фонарик, чуть медленно, но упорно продвигающийся к нему. То был некий юноша, предположил старик, и юноша, что явно стремился к нему пойти. Зачем? Это предстояло выяснить. Пока же старик решил чуть вздремнуть.

-Скажи, путник-говорило солнце кому-то загоревшему, но на вид подуставшему-отчего ты так печален, осунувшись?

А путник отвечал:

-Но отчего мне знать, солнце, ведь я просто иду наверх. Если и знать это, то скорее тебе, нежели мне.

Солнце чуть хмурило свои румяные боки.

-Знаешь, путник, все прекрасно знаешь, но лжешь, мне, себе, и, в общем-то, всем на свете. Ведь ты живешь с собой наедине вот уж седьмые сутки. Ты точно должен знать, что с тобой такое начинает происходить. Я здесь лишь как изображение твоего пути в жизни, для более наглядной картины того, куда тебе предстоит пойти. Можно сказать, что я лишь зеркало твоей души, путник. Так покажи мне, куда же ты идешь? Я, как зеркало, знаю, что тебе сейчас очень важно.

И путник смотрел. Он видел, как солнце, только-только поднимаясь из-за горизонта, заговаривало с ним. Он понимал, он вдруг начинал понимать, что весь его путь-дойти до зенита, красоты полдня, а после размеренно опускаться вниз. Он стал понимать так же, взбодрившись, что конец-это лишь начало чего-то нового. Поразмыслив чуть-чуть, он объяснил в себе и другую перемену: родившись прежде, он отправился в путь. Но его молодая душа не настолько еще сильна, чтобы родить заново и иметь свою плоть, свое тело. И как змея последние два-три дня ползает в старой шкуре, уже мыслями там, в будущем, так и он сейчас был осунувшимся. Путник, глядя на солнце, как на сердечного друга, на зеркало своей души, вдруг начинал понимать все это...

Старик проснулся с рассветом. Понимал, что надо идти дальше, но сильно хотел спать. Похоже, солнце передало ему чуть той неуверенности, что исходила от юноши. И старик потихоньку начинал понимать, почему на самом деле так мало людей доходят до моря. Но он встал и пошел вперед. Вся полянка вокруг палатки была усыпана росой и залита алостью солнца, какая бывает только в первых числах июня, когда все еще впереди. «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы с пути не сворачивало», - думал старик. Он плавно подходил к концу поляны, почти что к началу обрыва, чтобы на лезвии ножа поклониться солнцу. Ногами своими, мягко, как кошка, с уважением к природе ступал он по росистой траве, и, казалось, мгновенно проснувшись, испытывал сейчас небывалую эластичность и гармонию тела. Плавно опускался на колени, необыкновенно чутко слыша жизнь. Закрывал глаза и говорил: «Поле, летнее поле из ромашек, васильков, тюльпанов, лютиков..» Похоже, он даже не говорил, общался как-то совсем без звука. Мы, кажется, его сейчас все равно не поймем. А потому лучше давайте обратимся к картине поля. Там, вздымаясь среди всех этих душистых пряностей, еще на месте вчерашнего костра из мыслей возвышалось монументальное строение, и на нем крупными желтыми буквами было написано: «Паруса.». И старик все еще продолжал о чем-то говорить с солнцем. Но прошло полчаса, час, а он все еще говорил. Постепенно, как это бывает только во снах, картина местности менялась. Потихоньку цветы начинали переходить где-то в деревья, где-то в сухую рожь, а где-то и вовсе в ничто, и вот тогда изменилась и надпись на монументальном здании. Она гласила теперь: «Паруса, но дайте мне самому разогнаться и почувствовать весь воздух жизни, хотя бы однажды, тот, что вы сами вдыхаете каждый день. И пусть это произойдет не сразу. Но пусть это все же произойдет. Я буду ждать смиренно, проявляя терпение, и символом того терпения будет этот трехглавый лес. Цветы расскажут вам о легкости, воздушной короткости моего терпения, сухая рожь-о том, как я готов не щадить тебя, а деревья-что слова мои будут честны, а дела плодородны, и станут тянуться так же зелено ввысь.» Старик открыл глаза. Теперь он явно понимал, что ему нужно: терпение. Солнце, закрытое всего одним облачком, будто бы подмигнуло ему. Старик стал собираться в путь.

-Скажите мне, облака, можно ли мне на вас прокатиться? Я вдруг понял всю сущность своей души. Я вдруг понял, как я могу управлять ею, управлять всемогуще, бесповоротно, но честно и правильно.

-Что ж, раз так, путник, то, конечно, садись. Но не был бы так уверен в том, чего не выяснил еще до конца. Вдруг именно сейчас, когда ты уверовал в победу, твоя судьба вдруг даст тебе чуть подлый, но вполне справедливый по правилам жизни удар?

Но путник уже сел, и дороги обратно как бы не было, да и о какой дороге обратно может идти речь, ежели это жизнь, ежели это танец?

-Никогда не жалей-говорят облака-ведь все, что ты совершаешь, пойдет тебе на пользу.

Дальше долго плыли по небу в молчании. Вдруг снизу показался идущий старик. Юноша, путник, блуждавший в море мыслей, как наши будущие еще герои, которых вы пока что не знаете, вдруг сказал, как отрезал, дрогнув, оттого, что в голову ему пришла одна мысль: «Беды, невзгоды, лишь закаляют наши души. Более того, они способны ее излечить».. Но секундой позже уже жалел о том, что сделал. Несмотря на то, что больше решил никогда не жалеть, он жалел. Жалел, что с неба пошел дождь. Жалел, что был так опрометчив в своих поступках. Жалел и старика, лодку которого разрушило в щепки первым же ударом молнии. Жалел, что теперь старик как бы не продвинулся ни насколько вперед, теперь, когда после половины пройденного им пути, лодки у него снова не оказалось. Но не жалел старик, он был даже чуть весел и знал, раз судьба начала с ним взаимодействовать, значит, он на верном пути. Старик вспоминал, как думал о терпении Солнца и начинал, после всех своих многократных потерь лишь начинал себя чувствовать им. Таким же могучим, непоколебимым. Излучающим всегда свет. Юноша даже дивился, когда с земли вдруг так повеяло яростью, что облака, взявшие его в плен, разошлись. То было светлое предзнаменование успеха старика. Казалось, когда тот прошел лестницу второго, самого сложного терпения в середине пути, когда нет ни конца, ни начала, с ним поднялись на ветру и его мысли-его давние паруса. Старик, хоть и не хотел сейчас особенно есть, но начал. Его взору предстали все те же прекрасные открытия, что ему предстоит совершить на своем пути к вершине горы. Он понимал, что впереди его ожидает длинная дорога, а потому лучше сейчас набраться, да, желательно, побольше, пищи чувств. Потому начал есть ягоды. Норвежские леса славятся, да и всегда славились именно своими ягодами. Не знаю, о чем думал Харуки Мураками, писав свой «Норвежский Лес», но я, писав «Честность», поместил героя на остров Иден не случайно, а по давней своей любви к местной ягоде морошке. Надо признаться, что введение, которое вы сейчас читаете, было написано мной уже в конце книги. Но это небольшое лирическое отступление. Тем более, что старик наш нынче пошел за топором-нарубить дров, да побольше, для своей лодки, сварить после уху и лечь спать. Назавтра вдруг встанет солнце и с новыми силами все отправится в путь. Юноша же, после падения с облаков, больше не заговаривал с солнцем. Похоже, что он и вовсе пропал после своего неудачного падения. В старике созревал новый, неизведанный доселе герой. По силе своей превосходящий любого взрослого, но чистый, даже чересчур чистый сердцем, как ребенок. Такое часто бывает, когда начинаешь меняться. И любое изменение берет свое происхождение изнутри. Потому у юноши, как и у старика, да как и у всех, кто что-то начинает, вид такой уставший и даже бесцельный. Но именно на середине пути проступают первые задатки перехода внутреннего во внешнее. Именно потому юноша разбился. И именно потому, разбившись, переродился в сердце старика. Совсем же единым целым они станут, если дойдут до вершины горы. И, пожалуй, в этом смысл любого успеха. Дойти до той точки, такого апофеоза, где внутренний герой догонит тень внешнего, или наоборот-где внутренний цикл жизни совпадет с внешним, с циклом самой жизни. «Но зачем же тогда читать книгу-спросите вы-если автор раскрыл секрет успеха в само начале?». А вот зачем. Дело в том, что вся наша жизнь имеет некую схему. Побродив вокруг одной горы дважды, вы будете испытывать абсолютно другие чувства при подъеме, другие знания. Так и здесь. Жизнь поистине непостижима в своем величии. И, думая, что знаю смысл жизни и о нем пишу, я понял, что истинный смысл жизни в другом. И понял, быть может, по превратности судьбы, именно на последней странице. Так что, именно потому книга «Честность» достойна прочтения, что писалась и правда с претен-

зией на честность и в некоторых моментах очень сильно напоминает жизнь. Она хорошо ее воспроизводит. Ну, так не будем же тянуть. Приятного вам прочтения!

Глава 1. «Стальной Жираф»

Всё началось утром. Илья прибыл в город ни свет ни заря. Его взору сразу представилось величие Острова. Лес, закалившийся баснями моря, скандинавскими ветрами, индевел и был зелен. Верхушки сосен скрывали в себе Идэнский порт, в лучах ноябрьского солнца цветущий, как подсолнух. Поутру в бухте ещё почти никого не было. Чайка в отсутствии рыбы тщетно старалась проклевывать осетра на возвышавшейся над равниной карте города. Илья поправил красный рюкзак и подошёл к ней:

Остров был разделён на четыре части, и город Идэн расположился лишь в одной из них. Хотя дороги здесь были отличные, на Идэне ходил лишь один маршрут рейсового автобуса: «Юг-Север». На нем вы могли бы попасть прямо в город, но все вновьприбывшие почему-то отправлялись туда пешком. Их влекло путешествие по зеленоватым, заросшим мхом тропкам, огибая которые, остров можно было бы пройти вдоль и поперек, и не позднее, чем за день. Идэн населяли как коренные жители, так и туристы. Популярность городу придал один местный предприниматель: он объединил сафари на китов и северное сияние. Северные сияния здесь случались довольно часто, и он лишь стал организовано их ловить, проводя ночные экскурсии в это время. Кто-то сделал хорошую фотографию на таком сафари, которая выиграла в конкурсе BBC. Спустя пару лет это место объявили достоинством ЮНЕСКО. Жизнь поменялась в раз. Но в ноябре был явно не сезон для туристов, а потому Илья спокойно мог рассмотреть карту: Порт, лестница, Йорелик, художественная автодорога, сафари, парк, набережная, разводной мост, центральная площадь. Немного, зато со вкусом. Илья подбросил монетку в один крон, пребывая в самом что ни на есть хорошем настроении. Стояло весёлое Идэнское утро.

«Без двадцати восемь»– сказал бы Илья, если бы у него были часы, но он не носил часов, предпочитая определять время по горизонту. Илья вообще во многом не был похож на обычного человека. С одной стороны, не сильно заботясь о своём внешнем виде, он носил потертые сапоги и отрастил себе небольшую щетину, которая сейчас больше походила на полноценную бороду викинга. С другой стороны, даже в этом чувствовалась львиная доля стиля, и весь его простоватый костюм был именно то, что надо. Чёрные, темноватые штаны, длинная, светло-серая куртка-вот одежда Ильи. Проходя через паспортный контроль на таможне, он пожевывал еловую веточку. Миловидная девушка на контроле сверяла его лицо с тем, что было в паспорте. И вот, что примерно было в паспорте: угловатый блондин, метр-девятью пять ростом, с ясными коричневыми глазами, здоровой улыбкой, славянской наружностью, в шапке, из под которой выступали могучие мышцы, с длинной породистой бородой. В графе «возраст» стояло лишь двадцать три года, хотя и могло показаться, что Илья незначительно старше. В общем, норвежской девушке он сразу приглянулся, хоть и не развил только-только завязавшуюся беседу.

Илья имел могучий аппетит, и сейчас он слегка был голоден. Он вспоминал, как стоял на верхней палубе, слыша доносившийся из кафе запах булочек. Весь остров казался ему такой булочкой. А его жизнь-кафе. Он предвкушал, как выйдет на берег и отведает парочку, обязательно выпьет утренний кофе. Он подошёл к кафе, и добросердечный старичок продал ему две с корицей. Осведомился, как новоприбывшему нравится местная погода. И, услышав, что положительно нравится, был несказанно рад.

Немного, зато со вкусом... Илья подбросил монетку в один крон. Выпала решка. А это означало, что Илья, подобно первооткрывателю, пойдёт на разведку вглубь острова, с одним лишь ограничением-успеть на рыночную площадь, в двенадцать, ко встрече с владельцем куз-

ницы. Кузнец Владимир договорился с Ильей о встрече и по истечении короткой беседы обещался принять его на работу кузнецом, благо руки Ильи позволяли. У Ильи имелся талисман-стальной жирафик. И на каждом новом месте прибытия (а Илья любил путешествовать) он бросал его далеко-далеко в воду, как удочку, а после, не спеша, плыл его вытаскивать. Ещё никогда жираф не оставался на дне забытым. Илья любит приключения, и к тому же он хороший пловец. Правда, бросать жирафа Илья старается не в море, а во внутренние воды, чтобы не поранить акул. Стальной жирафик действительно местами очень острый. Вот и сейчас, долго не думая и считая это не чем-то нейтральным, а даже плохой привычкой, Илья вновь поправил рюкзак и направился на поиски озера.

Глава 2. «Волшебная вода»

К озеру он дошёл нескоро. И если с утра Идэнский порт был только раскрывшимся подсолнухом, то к этому времени стал уже даже перераскрытым, и отовсюду, как семечки в урожай, ступали люди. По дороге Илья видел маяк и двух кабанов, притаившиеся подле леса. Маяк мерцал красным, а кабаны, насупившись, правда по-доброму, просили поесть⁹³. К озеру он дошёл нескоро, дойдя же сразу скинул вещи, без разбора запрыгивая в серый кафтан воды. Он был похож на шерстяной и вполне мог согреть, если бы в углу не были видны вдруг взявшиеся из ниоткуда ледяные зубчики. То был ледник, который подошёл к берегу испить водицы, смотрясь на своё отражение, да так и застыл, ослепнув. Он и вправду был очень красив. И Илья, всплывая после, разрешил погулять жирафу где-то возле него. Но жирафа искал долго, когда же нашёл, вдруг набрел на свои вещи, тоже плавающие в воде. Это означало одно: Илью будет ждать удача. Но он не поступит в кузницу, если не посушит свои вещи прямо сейчас. А потому Илья собрался и почти голым отправился их сушить.

—Сударь, не хотите ли вы мне сказать, что наше прошлое есть великая тайна даже для нас самих?

—Да, это именно так, сэр. И сейчас я вам это докажу. Рассудите, когда мы вспоминаем, то что мы видим, сэр? Мы видим то, что является делом рук Луны. Мы видим то, что нам оставил отлив. На своё усмотрение. И лишь только это. Точно так же мы не можем понять вселенную, ведь то, что мы видим-лишь её след. И если ученые говорят, что жизни вне пределов Земли не обнаружено, как мы можем им верить? Что, если срок жизни одной планеты, предположим, десяток триллионов лет, это есть одна космическая секунда? Так и с воспоминаниями: мы не можем судить о жизни лишь по воспоминаниям, сэр. Это неточно.

—Предположим, ваша теория не так уж и плоха, как думается, но в ней есть один большой недостаток.

—Какой же, сэр?

—Вы распинаетесь мне о ней лишь ради того, чтобы я поступил в маяк. Не так ли?

В гостиной после непродолжительного молчания раздался Идэнский дружелюбный хохот. Эти весёлые ребята однозначно нравились Илье, хоть и несли, порой, всякую ересь. А ещё шутили, вновь захохотав и хлопая его по могучему плечу, что, мол, с кем поведёшься-от того и наберешься. В ответ на то, что Илья согласился осмотреть маяк на предмет обустроенности, чтобы жить и работать в нем.

А дело было вот как: Илья шёл, просушивая брюки тряпкой, то и дело выбивая из них море брызг. Ноги его стучали по гладкому камню, а ботинки-единственную ненамокшую до сих пор вещь, он нёс в свободной руке. Времени к тому моменту было уже без двадцати один-

надцать. Илья же предположил, что десять или около того. Но он знал, что глазомер может соврать, а потому все-равно поторапливался. Когда взору Илье попался первый дом, он уже даже порядком высох. И хотел было пройти дальше, но тут из двери, из трубы, из окна и даже отовсюду сразу пахнуло свежей, наисвежайшей томатной пастой. И вот, второй раз за сегодня Илья убеждался в правильности своего решения. Дело в том, что запах томатов был его вторым талисманом, означающим, что он на верном пути. И такая традиция зародилась еще у него дома, когда Илья Денисович каждый Новый год нюхал томаты приготовленной папой пиццы. А Новый год у Ильи всегда был связан с хорошими начинаниями. Но не будем пока что о его родителях, ведь, как сказал Отти, прошлое всегда спорно. Как только Илья учуял запах томатной пасты, дверь Дома Томатов стремительно отворилась и зарядила Илье снарядами своего угла по крепкому лбу.^{о_в}, Лоб, хоть и был крепок, но, как и всякое статическое образование, имел особенность менять свой центр тяжести набекрень. А потому Илья от удара так и осел, прямо в лужу дождя, припорошив место падения ботинками. Здесь к нему подлетел вышеупомянутый Отти, виновник крушения. Но Илья не был гневной натурой. Конечно, порой он мог ответить на несправедливость, но в этот раз всё попросту обошлось.^{о_в},^{о_в},^{о_в} И спустя пару часов Илья уже сидел за столом, отпоенный, откормленный, промытый и высушенный, среди коренных норвежцев. Между прочим, кузнец был здесь же. И между ним, Ильей и Отти произошёл следующего рода диалог. Первым начал кузнец Владимир.

–Ребята, а не бросить ли нам все к чертям собачьим?! Я, если честно, уже порядком устал. Тем более, после такого отменного вина, Отти. Они зовут меня грабить торговые суда! Ну, или хотя бы ловить рыбу. Не поехать ли нам, друзья, в путешествие?

–Влади, а ведь у меня ещё и пиво, шотландское, но я его тебе не отдам, пока ты нам не расскажешь, куда это ты собрался!

–Да, расскажи-ка нам.

–Ну, что ж, друзья, будем честны, мои идеи никогда не отличались сообразительностью. В смысле со мной никогда не было вполне безопасно...

Тут Влади снова, чем и отличаются норвежцы, заразительно захохотал. И Илья, и Отти прыснули ему в ответ. Видать, градус и впрямь был значительным. По крайней мере значительнее, чем в обычном вине. Хотя, между прочим, Илья пил вовсе не вино, а безалкогольную брусничную настойку. В общем, черт его знает, что там творилось. Известно лишь одно: друзьям (а мы уже можем называть их таковыми) было необычайно весело. Так весело, что кузнец лично отговорил Илью от работы в кузнице, пообещав ему выковать жирафа из настоящей Идэнской стали, в подарок за просто так. А после все трое решили, что завтра в полдень отправляются в путешествие. Поглазеть на Грецию, в Афины. А пока Илье нужно было где-то расположиться, ведь он приехал на Остров не^{о_в},^{о_в},^{о_в} как турист, а как уже местный житель с Норвежским гражданством. Отти пригласил его в маяк, чьим хозяином сам и являлся. А чтобы к гостю не пришли добрые полицейские, он его ещё и на работу в маяк устроил. За первые пару месяцев разрешил отчетов не давать:) Впрочем, насколько на самом деле затянулась их золотая поездка, мы с вами ещё узнаём. А пока маяк стал, что новая жизнь Ильи, а дом Отти вторым домом.

Глава 3. «Илья стоял нараспашку»

–Но где же мы возьмём лодку, Влади? Только не говори мне, пожалуйста, что у твоего дядюшки, а то я поверю.

–И ведь да! Но нет. Хоть я сейчас и под градусом, но во мне все ещё осталось что-то дельное от норвега, чего этот русский у меня ещё не забрал себе. Начав что-то говорить однажды,

я хочу знать, как к этому подвести. Короче! Лодка будет. В этом вы уж, Господа, положитесь на меня.

–Ах, Господа! (Решил раззадорить ребят Кристиан, человек лет двадцати пяти, с вязаной шапочкой, помпоном и оленевым свитером), а почему вы меня не спросили? У меня как раз заваялся один катер, но теперь я, пожалуй, вам его ни за что не отдам.

Как вы уже догадались, дорогие читатели, вскоре Кристиан стал четвёртым членом нашего бравого экипажа. А заодно ребята решили проблему с лодкой.

-А может, тогда не в Афины?

Раздалось среди этого стола. Ребята, надо сказать, уже все тесно подружились друг с другом, и сейчас преспокойно резались в карты посреди стола. Здесь были: Оли, паромщик Идэна, Лейла, хозяйка местного дома отдыха, Хельга-сестра Отти, имевшая шикарные белые косы и чуть стеснительное выражение лица, и четверо наших уже известных героев.. Я чуть было не назвал их горячо любимыми, читатели, но после подумал, что это прозвище ещё надо заслужить. Но они его ещё и заслужат. Я вам обещаю. Предложение об Афинах осталось без ответа, вместо этого начали резаться в какую-то другую, не менее интересную игру. Суть же ее была такова: проигравший должен был рассказать историю из своего прошлого. Любую и честно. А если слушатели уличали его во лжи, то он должен был рассказать теперь все, с точностью до наоборот. Например, если ты называл друга другом, то теперь должен был говорить: «недруг, сэр», или «господин». Если кукла, то «жираф», или «живность», или «матрешка»(и т. д.).

Попробуйте, кстати, на досуге. Интересная игра. Правда, я в неё ещё не играл ни разу. Но вот, придумал. И, когда пришла очередь Ильи, то Кристиан уличил его во лжи. А после Илья-Кристиана. Обоим пришлось развести целый диалог, при том, что до этого они обсуждали лишь бренность мира. Вполне хорошую, вроде бы, тему. И чуть затронули вопрос будущего. И теперь ребятам нужно было разыграть диалог не о будущем, но уже о прошлом. И они шли нарочито серьезно, но после взрывались копнами смеха. Это передавалось всем в округе.

-Сударь, не хотите ли вы мне сказать, что наше прошлое есть великая тайна даже для нас самих?

–Да, это именно так, сэр. И сейчас я вас докажу. Рассудите, когда мы вспоминаем, то что мы видим, сэр? Мы видим то, что является делом рук Луны. Мы видим то, что нам оставил отлив. На своё усмотрение. И лишь только это. Точно так же мы не можем понять вселенную, ведь то, что мы видим, лишь ее след. И если ученые говорят, что жизни вне пределов Земли не обнаружено, как мы можем им верить? Что, если срок жизни одной планеты, предположим, десяток триллионов лет, это есть одна космическая секунда? Так и с воспоминаниями: мы не можем судить о жизни лишь по воспоминаниям, сэр. Это неточно.

–Предположим, ваша теория не так уж и плоха, как думается, но в ней есть один большой недостаток.

–Какой же, сэр?

–Вы распинаетесь мне о ней лишь ради того, чтобы я поступил в маяк. Не так ли?

В этот момент в гостиной разверзся всенародный хохот. Никто не мог больше сдерживать себя. И Кристиан действительно зазывал Илью идти в Маяк, потому что было уже довольно поздно. С этого момента, посидев ещё часок, все действительно разошлись. После игры в «Честность» у Ильи болел лоб, и приятное тепло растекалось по телу.

В небе стояла Луна. Желтая, полная, но уже убывающая, с кратерами на своем теле. Она стояла над лесом и напоминала Илье Родину. Русь-Матушку-Россию. Там остались его родители и дом. А устал Илья лишь потому, что следовал своей мечте. Пока, правда, не осознавая, в чем она заключается, но уже начав свой свободный полёт. Справа тихо плескалось море. В ночи ни один корабль не освещал его путь. «Пусть миром правит любовь-любовь к миру», – так думал Илья. На грунте оставались следы вечерней росы, а на горизонте-пятнышки звёзд, как одеялом, укрывшихся вдруг набежавшими тучами. Илья стоял нараспашку. Ему было и жарко, и холодно. Его одолевал озноб жизни, желание просто жить. Он предвкушал завтрашнее плавание, отправляясь на свой маяк. От хижины было недалеко- минут десять. Там, внутри, зажег масляную лампу и медленно, озарив тьму сиянием сердца, стал засыпать исполинским сном. Было без двадцати двенадцать...

Глава 4. «Пончик убежал»

Наступило утро. Над маяком в виде туч простиралась тень нового дня. Внутри было довольно уютно. Изначально малые размеры к тому же круглой комнаты не давали особенно развернуться Отти. И он обставил помещение с норвежским пристрастием к порядку и изяществу: посреди комнаты стояла кровать. Всё. Слева от неё лежали, аккуратно сложенные, уже высохшие вещи Ильи, справа же стояла потушенная, догоревшая лампа.

Но обо всём этом Илья уже и не думал, сидя в лодке «Молодость», отплывающей напрямиком к греческим островам. Из переднего кармана куртки выглядывал жираф. Но Илья пока что не собирался его выслушивать. Да и сам зверь плавать пока особенно не хотел. Он просто молча улыбался. Пыл ребят, конечно, немного охладел по сравнению со вчерашним. Впереди их ждала неизвестность. Но, как уже упоминалось, жираф, например, был вполне доволен происходящим. У Ильи созрел в голове один план: отвести его поближе к родине, да там и оставить. Зверь вполне заслужил себе хорошую пенсию. «А если выковать ему два горба, то вполне сойдёт за верблюда», - отвечал Влади, захвативший с собой кирку в дорогу.

Путники остановились на привал.

Живой мостик посередине моря заметно скрасил удовольствие ребят. Каменная глыба с объединенными деревьями. Что ж, но тогда почему-живой? Живой, потому что продувается всеми ветрами жизни сразу. Волей-неволей, с четырёх сторон. Мостик, потому что служит хорошим местом, где могла бы развиваться мысль рассуждения путников. Немного расхлябанная, нуждающаяся в прочной опоре, но в то же время сама и являющаяся ей. Сила-внутри нас. Мы-Господы Боги. Кристиан наломал хвороста и раздел костёр. На костре, кипя, приготавлилась яичница. Отти, Влади сидели рядом, подложив под себя мох.

-Скажи, Отти, куда мы сегодня плывём? Может, бросим жребий?

Вчера ребята договорились обсудить это дело позже, когда выйдут уже в открытое море, чтобы быть более свободными в своём выборе. И вот, этот момент настал. Афины хоть и были интересны им со стороны своего комфортного климата, но ребятам хотелось уже чего-то более необычного и интересного. Вместе с горячей яичницей им нужен был и жгучий, новый запал. После недолгих споров порешили так: расставят по удочке с каждой стороны света, благо, компас имелся, и та удочка, на которую первой попадётся рыба, как раз и станет географическим ориентиром. В какой стороне света искать. Потому что Илья, например, хотел сразу во все страны.

Забегая немного вперёд, скажу, что эта книга в первую очередь о работе над собой, лишь обёрнутая в искристые приключения. Но и они-тоже часть, притом главная часть моего романа. Так давайте же просто насладимся этим путешествием! Представьте, что в нем вам выпал жребий провести неделю, две, три, всю жизнь! Какое бы это было место? А я вам расскажу о своём. Тем более, что Илья готов отправиться почти в любое, лишь бы там было потеплее. Нет, он не трус. Лишь хочет побывать в неизведанном. Он никогда не пробовал на вкус жарких стран и их женщин. О, вы не подумайте, Илья порядочный. Ну, или в финале книги будет таким. Он лишь не знает на вкус песок духовного мира такой женщины. Он лишь хочет пожить в нем. Илья говорит: «Насладимся жизнью, друзья! Жизнь-это танец. Так пусть же наше приключение станет нам хорошим уроком жизни, чтобы мы научились танцевать. Хорошо, что нам выпала именно эта доля! Держась за бокал с водой, славно, что мы не переменили принятого нами решения. Это хороший знак, ребята.»

И все, безусловно, согласились с Ильей. Ребята долго ловили рыбу, да и поймали только потому, что скормили ей из запасов собственную. Начиналась морская, новая жизнь. Вечер прошёл быстро. Искупались, замёрзли, погрелись, после налегке легли спать. Перед самым отходом Илья долго смотрел на звёзды и размышлял. Вдалеке, в ночи, он видел свет загорающегося Идэна. Но видел слабо, скупо, и тот был больше похож на свет звёзды, мерцающей Венеры, что готовится уйти с небосклона перед самым утром.

Глава 5. «Генриус»

Проснулись рано. Ночью дул серверный ветер надежд. Он вдохновил путников на приключения. Проснувшись, скоро позавтракали остатками вчерашней еды. Илья чувствовал себя ослабевшим. Но знал: потерянные силы пошли на пользу. Будто в его сознании прямоком разлились волны, вместо прежних роящихся забот. Лодка же была моторная, похожая на те шхуны, которые возят пассажиров по достопримечательностям, например, по каналцам Амстердама. Имелась крыша. Вместо сидений, их сплошных рядов, Кристиан любезно обставил каюту плетёными креслами. На шхуне была газовая горелка, но баллон-лишь один. Потому по возможности спутники старались готовить еду на костре. Имелся погреб. А, следовательно, бензина и прочих запасов было предостаточно.

Перед отплытием все ребята собрались на их маленьком островке, попрощаться с ним. Остров служил как бы отправной точкой. И, как буддисты уходят в себя, от суеты, окружающей их, так и остров был их размышлением. Он встретил ребят в смятении и непонятках, свой тишиной подарив им великолепные часы раздумий. Остров дал им совет, как и зачем начинать своё приключение, а потому ребята нанесли его на свою карту, как точку, на которую, что бы ни произошло, они бы вернулись в будущем. Карта же выглядела следующим образом (разложив её на камне, Влади прижал один краешек рукой, а другой-раздробленным кусочком гранита. Небо было полно туч, но картина словно светилась золотом счастья. Тем более, что золото там действительно было: золотой маркер Отти, бережливо припасённый им с самого дня отъезда. Маркер обводил намеченный ими маршрут: от острова, лежащего на самой вершине Ботнического залива, к Афинам, с остановками в виде булавок, припасённых уже Ильей. Решив не перегружать лодку, ребята взяли с собой лишь самое необходимое, остальным стараясь пренебречь. Если надо-закупаться по дороге. А заодно-рассматривать архитектуру проплывающих мимо городов), итак, городами, в которые желали заехать ребята были: Мариенхамина, Готланд, Копенгаген, Ставангер, Амстердам, Шербур, Лиссабон, Танжер, Алжир, Кальяри, Палермо, Афины. Кристиан сразу же отметил, что с таким багажом идей и количе-

ством непрожитого детства в головах они вряд ли придержатся намеченного плана. А Отти добавил, что ему очень нужно попасть в Александрийскую библиотеку. В небе хохотала чайка, и ее пение было довольно громким. Но даже она испугалась того взрыва хохота, который раздался после фразы Отти. И ещё большего, когда Кристиан добавил к плану Александрию. Ребятам явно нужно была эмоциональная разрядка. Влади предложил сменить пару лодок на своём пути. На что Кристиан возразил, что в первом же порту сменит Влади на более умного пассажира. А Отти и впрямь предложил подвезти пару нуждающихся. На «Молодости» могли бы поместиться ещё три-четыре человека. Илья же сказал, что, раз уж на то пошло, каждому из них четырёх следует поставить перед собой какую-нибудь глобальную цель, что приведёт каждого из них к осознанию своего человеческого могущества. И было решено: за время путешествия Илье следует написать роман, по прибытии или до него, продать книгу так, чтобы хватило денег на посещение ресторана в Афинах. Отти, как единогласно решили путники под голос ветра, должен будет придумать и после запатентовать как минимум сто рецептов приготовления блюд для своей кулинарной лавочки. В ответ он хитро улыбался, ведь эксперименты не возбранялись. Но за здоровье путников Отти все таки должен был отвечать. С Кристианом долго спорили, но сошлись на том, чтобы он за время путешествия научился отжиматься, скажем, пятьсот раз, а после на время нырять за Жирафиком Ильи. Поначалу Илья был против, ведь в некоторых местах глубина моря под ними достигала пяти километров. Был высокий риск потерять талисман. К тому же то, как Кристиан ныряет в бездну высотой с небоскрёб, в воображении выглядело просто жутковато. Но Кристиан уговорил Илью, сказав, что в молодости был победителем Всего Идэна по плаванию, по своему возрасту. Владимиру предоставили должность лихого главного рулевого, и потому, что он провёл все детство в Европе, переезжая с места на место, наказали сводить на самые интересные локации. Влади согласился, ведь почти каждая история его детства вызывала интерес и бурный ажиотаж. Так же ему была поставлена задача довести «Молодость» до пункта назначения не позднее пяти лет под уже привычный всеобщий хохот. Чайка тоже смеялась. Жираф почти скалился, не в силах расширить больше свою улыбку. В наказание провинившийся обвязывался исполнять дежурство вне очереди, а так же то, что загадают его товарищи. Как видите, наши герои достаточно оградили себя от возможности вернуться назад. Они и не хотели. Перед ними раскрывался невидимый доселе горизонт жизни на уровень выше. Не даром вчера за тостом Илья сказал, что люди-Боги. И наши путники прямо сейчас чувствовали преисполнение своего разума. Можно сказать, что эти мгновения были для них пока что самыми счастливыми в жизни.

Времени было около восьми. Путники, по совету Ильи, часов с собой брать не стали-так лучше чувствуется танец жизни. Порой метроном мешает держать собственно заданный ритм. Вновь, как и ночью, вдруг дунул ветер с Севера. Мимо, впервые за все время проплыл небольшой паромчик. То следовал корабль в Швецию. Его хозяин был другом Отти. У Отти вообще было много друзей. И вчерашний вечер-тому подтверждение. Норвеги вообще-дружелюбные. И паром, проходя мимо, вдруг отчего-то громко загудел. Ребята махали ему в ответ, приветствуя. Но что-то здесь казалось неладно. Паром, замедляя движение, включал обратный ход. Уже в третий раз перепуганная звуками чайка тоже это заметила и поспешила есть поднятую двигателями рыбу. А дело тут было вот в чем: с парома спускалась лодка. То ребятам везли бензин. Идэнские прослышали, что веселая компания отправляется в путь и не остались равнодушными. Им помогли, как могли, и вскоре к Острову прибыла целая лодка бензина, что после тоже был погружён в погреб. Илье, да и остальным тоже, стало интересно узнать: Кто же?-Привёз бензин. И ответ оказался прост, хотя поначалу загадочный старец, привезший бочки, так и уплыл обратно без разъяснений. Разъяснения же в данный момент катались по погребу, моля выпустить их оттуда и желательно поскорее.

Генри, друг Отти, решился на такой отчаянный поступок, чтобы или отговорить ребят от путешествия, или уехать с ними. Вы можете подумать, что в нем разыгралось чувство беспокойства за товарищей, но на самом деле он просто любил эффектные появления. Ребят Генри так и не отговорил, в итоге, от путешествия, да, честно говоря, он не очень-то и старался. В конечном итоге-лишь попросил довести до Мариенхамины, а после и вовсе сознался, что это была его финальная цель. Но не будем забегать вперед. Тем более, мы его не судим. Каждый карабкается, как может. У всех своя правда. Тем более, ведь не ругаются же профессиональные танцоры, когда какой-нибудь старичок, встав с кресла, проявив признаки жизни и заявив, что он ещё хоть чего-то стоит, отчаянно пытается повторить их движения. А Генри ребят, к тому же, порядком повеселил. Он был живым и важным напоминанием, что не все и не всегда будет идти по плану. Такова жизнь. Починив сломавшийся под вечер винт лодки, дружная компания отправилась в свой дальний и необычный путь. По незнанию Генри захватил с собой часы. В тишине они показывали без двадцати девять. Шумело море.

Глава 6. «Мариенхамина»

В Мариенхамину приехали поздно. В 21:49 второго ноября. Пришвартовались недалеко от порта. Швартуясь, спугнули ютящихся в бухте лебедей. Попрощались с Генри. День у ребят был проведён хороший. Илья, утомленный, но так и искрящийся от написания своего нового романа, не преминул достать жирафика из кармана и нырнуть. Вынырнул освеженным, как морской огурец. Посоветовавшись, ребята прикрепили к стене скалистого берега свою лодку, а после, переступая босыми ногами по гладкому каменистому дну, отправились, под песни и пляски отправились (жаль только, не было у них гармони) в город. Вдалеке огнями маячил порт. И если Идэнский порт напоминал ребятам подсолнух, то этот был какой-нибудь голландский тюльпан. Чёрный голландский тюльпан, с оранжевыми или желтоватыми точечками. Забрались на гору, ведь с горы открывался хороший вид на город. Город был небольшой, но уютный, протянулся с юго-запада на северо-восток, все дальше и дальше удаляясь от береговой линии. Исходя из предположений Влади, что-нибудь съестное можно было купить лишь обойдя порт. Вряд ли бы до порта ребята нашли таверну. Потому, даже не совещаясь, все дружно, продолжая песни и пляски, двинулись туда, куда говорил Влади-за порт. Вскоре Кристиан действительно разглядел кафешку. Хозяйка хоть и собиралась закрываться, но узнав, откуда ребята прибыли, передумала. Она начала расспрашивать путников о жизни на Идэне, а наши герои принялись ей с удовольствием отвечать. Приятно было поговорить с кем-то новым. По прошествии двух дней в море было просто приятно с кем-либо поговорить. Тем более, сестра хозяйки, как оказалось, однажды спасла маленькому Кристиану жизнь. Ну, а пока наши ребята разговорились, позвольте же мне сесть за свободный столик, заказать имбирный чай с домашним печеньем и предложить вам то же самое. Усесться поудобнее и продолжить, радуясь, беспремерно радуясь жизни, слушать и говорить.

Первый раз я попал в Мариенхамину, когда мне было двенадцать. Мариенхамина, вообще говоря, довольно длинное (финское ведь) название, и на меня оно произвело впечатление. Это столица и почти единственный город территории Алландских островов, находящихся под управлением Швеции, но имеющих некоторый суверенитет. Конечно, первый раз я был на Алландах в сопровождении своей семьи. Мы приехали погостить в это удивительное местечко всего на неделю и жили в коттедже на берегу лебединого озера. Владелец коттеджа был весёлый швед и он представил себя Соррэнном. А я, с плохим знанием английского языка, понял, что его зовут Сорри. Поэтому, когда он что-то говорил про себя, я всегда думал, что он за что то извиняется. Я никак не мог понять-за что? И это меня веселило. Забегая вперёд, скажу, что на Аланды мы ездили ещё много раз. Но именно из первой поездки мне запомнилось, что там до чрезвычайности натуральная природа. Мы плавали на лодочке всей семьей, и это

было незабываемое ощущение, когда вёсла, чуть копошась, барахтаясь под водой, замирали, и вместо привычных голосов города, его технологии и машин, слышался лишь гомон лебедей, шум волн, ветра и какая-то пронизывающая душу свежесть солнца, вечера. Помню мне, прибывшему из России, было холодновато привыкать к температуре +10-14 градусов летом и постоянно сквозящему ветру. Но именно потому это того и стоило. Именно в тот момент я понял море и понял, что оно есть. Именно в тот момент я осознал все его могущество и силу, казавшиеся моему детскому уму непостижимыми до такой степени, что я просто тихонько, как щучка, замирал. Возможно, именно тогда я и полюбил море. И эта любовь сохраняется во мне до сих пор, и с годами она только крепнет. Возможно потому мои герои поплыли до Афин, а, скажем, не полетели на самолете. Но ещё и потому, что тогда бы эта книга не была написана. За отсутствием приключений и тяги автора. Между прочим, я ведь ещё не написал книгу но именно сейчас говорю, что она будет написана. Что ж, именно сейчас у меня есть такое настроение. Такая уверенность. Да, возможно, я немного странный автор. Но я лишь хочу, чтобы книга не прошла мимо, чтобы она действительно принесла пользу каждому, взявшему ее в руки, а не взбудоражила мозг на два или три дня. Я всего лишь считаю, что честность, смирение и добро, осознанные через результат деятельности-есть рецепт счастливой жизни человека и человечества.

На Аландах много зверей. Нетронутые поля кроют в себе пастбища Быков и молодых Оленей. Лебеди на воде, ёжики, переползающие вместе с закатом солнца дорогу, кабаны в лесах-все это тоже не редкие явления. На Аландах вообще красивые закаты. А ещё ярмарка, находящаяся возле порта. Как-то раз мы зашли в кафе, пообедать. И я, болтая ножками и ожидая свой заказ, вслушивался в доносившиеся из зала диалоги:

-Ну, рассказывай, дружище, как продвигается твоя работа над романом?

-О!

Илья был поглощён работой настолько, что не смог бы сейчас сформировать какую-либо одну идею. Он подумал, почесав свою длинную бороду и сказал:

-О!

Ребята в хохоте взглянули на хозяйку и друг на друга. После их заверений о том, что Илья-прирождённый словоплет, такое высказывание было более чем исчерпывающе. (Хозяйка тоже смеялась). И, похоже, уличало ребят во лжи. Но тут Илья собрался с мыслями и вышел-таки из транса. Хозяйка, надо отметить, была примерно одного с Ильей возраста.

-Мадам, ваш узор на платье, чуть ниже плеча, мне напоминает о моем детстве. Когда вы смеётесь, он прыгает, как маленький мальчик, с горки на горку, на санках. То есть, прыгаю я. И в своём романе я затрагиваю как раз-таки проблему вот этих горок: как преодолеть их, не падая, а преодолев, как все таки забраться на новые? И я даю ответ в том, что каждому человеку нужна какая-то цель, как компас. Но знаете, мадам, если бы целью было ваше прекрасное личико, мне думается, мне бы и не понадобились санки. Вы очень красивы.

Сначала захохотал Отти. Он был так по-компанейски горд за своего друга, выдавшего веселую речь, что был просто намерен поддержать этот момент хохотом. Кристиан и Влади подключились позже, и их аккомпанемент был как звук, что вдруг, по чистой случайности, догнал свой сверхзвуковой истребитель. Мадам же была приятно поражена и даже чуть покраснела, тоже чуть-чуть залилась хохотом. Впрочем, эта история не понесла в себе особого продолжения. Илья же, чуть подождав, и вовсе приснул громче всех. Вечер, в общих чертах, удался на

славу. Герои поужинали за троих. Продукты в дорогу решили (чего далеко ходить) тоже закупить у этой хозяйки. Это было её родовое поместье и дело, переходившее от старца к младцу. Но, вот ведь, когда оно перешло именно к ней, дела почему-то и вовсе не заладились. Надо было подождать до сезона. До нового года, хотя бы. А пока-продержаться как-нибудь, чтобы не обанкротиться. И вот, пришло спасение. Эти красивые молодые люди буквально силком, за волосы вытащили ее из трудного положения. И заказали, и выпили так много, что до Нового Года хозяйка была уже наверняка спасена. Это был знак: всегда следуй принятому решению. После ребята отправились спать. И всем снилось примерно одно и то же: события вчерашнего дня, их дорога от предместий Идэна до предместий Мариенхамини. А дело было вот как:

Ребята отъехали от острова в надежде получить то, что заслуживали по праву: мудрость. И, не взирая на Генри, по истечении десяти минут после отплытия «Молодости» каждый из путников был занят своим делом. Владимир, стоя у штурвала, и включив полный вперед, насвистывал себе под нос какую-то мелодию, стараясь подпевать в такт ветру. Владимир и вправду вспоминал своё детство, желая удивить своих спутников чем-нибудь необыкновенным. Например, эту мелодию он пел, прохаживаясь по долине камня, вдоль зелёных холмов, недалеко от побережья, в городе Росток, Германия. Долина чем-то напоминала долину хоббитов, а мелодия-их военный марш. Вспоминая сейчас эту мелодию, Владимир думал, что, конечно, у Ильи все получится. Ведь и Толкин когда-то сидел, вот так, в лодке времени, покачиваясь на волнах, и писал будущее. Он ведь тоже представлял, как будет вонзаться в форму своей души податливый, но опасный и раскалённый металл. И сейчас, вспоминая то, своё детство, Владимир думал, что на Аландах ребят следует отвести туда, где им удастся хорошенько помечтать, а после подумать, что к своей мечте ещё можно было бы добавить. И, конечно, Владимир уже знал такое одно местечко, куда бы он их повёл. А потому продолжал напевать свою немецкую песенку, неспешно рассекая берег волн.

Отти сидел, свесив ножки вниз. Конечно, рискуя, но не рисковал ли он, спрошу я вас, когда принимал решение столь поспешно и необдуманно, когда давал клятву изобрести сто новых рецептов? Да, изобрети он их и впрямь (Отти представлял в полутонах себе эту картину), ему не пришлось бы уже сводить концы с концами. И, впрочем-то, ведь это было ему по душе и по силам. Учítывая, что до Афин они доберутся не раньше лета (не будем забегать вперед), сто дней у него как минимум были в запасе. И, кто знает, какие тайны хранит в себе человеческий мозг? Нужно было бы лишь выработать алгоритм. Одно блюдо Отти уже придумал: ножки кальмаров по песчаному. Объяснения Отти оставит попозже, и вскоре я приведу целый список того, что он изобрёл. С пошаговыми инструкциями. А так... быстренько. В конце концов, тайна крабсбургера тоже по сей день остаётся неизвестной. Между прочим, я сегодня обещался написать пять тысяч слов. Как думаете, успею? Да... мне и самому не верится. Но, кажется, возможности человека и впрямь безграничны, ведь! Вы только посмотрите на Кристиана! Что он делает!

А Кристиан, забравшись на крышу, не думал ни о чем, кроме победы. Он нашёл площадку для отжиманий, а значит, все независимое от него исчерпывалось. Вот, дамы и господа, какой настрой нам всем надо бы иметь. А вы говорите мне-не осилю. И Кристиан продолжал отжиматься, переходя уже за вторую или третью сотню. Один Генри до конца не понимал, так что же здесь происходит? Но, в целом, ему тоже нравилось. Тепло, светло, и работать не просят.

За ночь на Мариенхамину обрушился водяной шквал. Казалось, выпало две или три нормы ежемесячных осадков. Был ураган. Штормило. Хорошо, что наши друзья загнали лодку в бухту и отставили ее там, с подветренной стороны. Хорошо так же, что на Идэне делают неплохие канаты. Впрочем, хорошо все, что хорошо кончается. И все то произошло за ночь, сейчас же над городом стояло круглое, спелое, по аландски желтое солнце, пряное, как айва. Не кислое, но прохладное, и все же согревающее Илью своими тёплыми утренними лучами. Прошла неделя с момента прибытия спутников на Аланды. Сейчас они уже собирались плыть

дальше. Владимир все неделю водил друзей по полям, и те мечтали. Ночевали у добрых шведов, иногда финнов, иногда русских, что приветливо отворяли им свои хижины по вечерам. Расплывшихся в своих мечтах, довольных, провожала хозяйка таверны. Все четверо были достойны больших знаний, и, отплывая, видели на портовых часах: без двадцати восемь. Что означало без двадцати десять по Москве.

Ах, ребята, к сожалению, я заканчиваю писать на сегодня. Я понял, что мне следует переменить подход. На самом деле, я лишь понял, что не в силах написать больше за сегодня. Да, так в жизни бывает. И ты сдаёшься случайно, не желая это делать в своих веках. Но так и вправду бывает. А потому завтра же я покажу, как из выкопанной мною ямы вылезать. О, я думаю, все мы когда-то были ее заложниками.

Глава 7. «Висбю»

В Висбю приплыли рано. Плыли, правда, без остановки, около четырнадцати дней. Владимир решил экономить топливо, тем более что в Мариенхамине путники взяли себе старый парус, валявшийся в погребе у хозяйки таверны. И теперь ребята хотели проверить его в действии. Да и в целом, парус им так понравился, что по приезде в Висбю решили продать одну бочку с бензином, если не две, а на вырученные деньги, например, побродить по Копенгагену. Откуда Кристиан хотел слетать обратно на Идэн. Просто потому что это было весело. Ребята согласились с ним, и было решено: продадут побольше бензину-слетают все, и туда, и обратно. И вот, где-то в половину шестого утра взору путников вдруг, сквозь туман, во всей красе открылся старый город.

Ну, что же, доброе утро. И, знаете, я считаю, что выползти из этой ямы абсолютно не сложно. Как говорится, утро вечера мудренее. И вот, что я вижу с утра: мне думается, чтобы вылезти из этой ямы, нужно просто забыть об ее существовании. Запомните, на всю жизнь запомните одну цитату: Ты можешь ошибиться. Это нормально. И если у тебя ещё есть силы, чтобы думать о совершенной ошибке, значит, не все ещё потеряно. Значит, все ещё нормально. Универсальное средство избавиться от самой ошибки, к тому же от зависимости от этой ошибки есть лишь делать в два раза больше. Запомни: ошибся? Сложно? Все поправимо. Так сделай в два раза больше, чтобы поправить. Пожалуй, я ошибся вчера, перестав писать книгу столь волшебным осенним вечером. Но ошибка-бесценный опыт. А это значит, что я лишь должен написать две вчерашних нормы сегодня. Закончим об этом. Остров Готланд есть самый большой остров на территории Балтийского моря. Он даже больше, чем сам Иден. Население Готланда-около пятидесяти тысяч человек. Готланд принадлежит Швеции. Столица острова-Висбю. Город, чарующий туристов своей архитектурой и безопасностью. Гуляя по старому городу в яркий солнечный день, в руках с мороженым, красиво поданным специально для тебя, можно представить себя не в холодной Швеции, а в Ницце, или, при очень удачных обстоятельствах, даже в Афинах. Спускаясь к порту вечером можно наблюдать, как в воды Висбю заходят трансатлантические огромные корабли, и тогда уже подавно ощущаешь себя где-то в Сингапуре. Корабль истошно, со всей своей мощностью гудит, извещая публику о приезде, а публика и сама не прочь пошуметь в столь мандариновый вечер. И публика машет, кричит, виляет друг другу руками с берега на корабль и обратно. По утрам же на набережной рыбачат старики-горожане, в прошлом жители Мальмё или Стокгольма-столиц Швеции, которым надоела городская суета. Они сидят, мерно покачивая взгляд в такт поплавку, созерцающему глубины моря, и медитируют. Порой тишина так сильно на них влияет, что сами старцы, как их поплавки, начинают созерцать изнутри владения моря. Но что это там, вдалеке? Не очень-то похоже на так называемое видение. Слишком ясное и быстрое для здешних широт. И не

входит, пока не входит во взаимодействие. Да, видать, сегодня в гавань с утра пораньше пожаловал незванный гость. Что ж, старцы дружелюбны. И они улыбаются «Молодости».

-Кристиан, плыви быстрее, причаливаем!

-Смотри, как бы я не обогнал тебя, тихоход! Айда сюда, ко мне, парни! -Вода хоть и холодная, но, пожалуй, теплее, чем на Идэне в Рождество.

И Кристиан показался из воды, с жирафом в руке, удерживаясь второй рукой за борт «Молодости». Илья и Отти помогли ему залезть наверх, сделав небольшой вираж на прохладном, хоть и не проходном воздухе. Они помогли ему, потому, что Кристиану жгло руки от чрезмерных физических упражнений. Все трое сняли парус, и когда Владимир причалил, между ними и старцем произошёл такой диалог (старец заговорил первым):

-Я вижу, судари, вы заблудились. Чем я могу вам помочь?

-О, Господин старец, мы лишь следуем своему пути. Но будь так любезен, укажи нам укрытие или поделись своей бесконечной мудростью, я вижу, ты обворожительно приручаешь свой поплавок. Или, быть может, сам поплавок расскажет нам о своей мудрости? Нам было бы очень интересно послушать. Мы-путники. И мы направляемся на юг.

Илья писал свой роман уже вторую неделю. Герои начинали переплетаться, а знаки-четко указывать на конечную цель. На идею текста. Илья хотел создать роман, обучающий слушателей ремеслу жизни. Илья в своей голове уже даже дал эпилог для книги: «Жизнь-это танец. Танцуй любовь». И вот, однажды в сумерках, когда ребята только проплыли мимо парома на Стокгольм, после скудного, но вкусного ужина, Илья решил почитать своим друзьям вслух. Тем более, все они так давно этого просили. Владимир включил двигатели на половину их мощностей. Отти зажег настоящий фонарь, бережливо припасенный им из Мариенхамины. Кристиан, наконец отдохнув от последнего своего ныряния, отодвинул печку от себя и направил её на путников. В руке у Ильи были хлебцы и банка, полная малинового варенья. Он поставил ее на стол, приглашая ребят на десерт, и взял в руки рукописи. Окна каюты расплывались в дымке счастья, на перегонки бежали крупные, морские капельки по стеклу. Лодка представляла собой такую ментальную энергию, что, казалось, всех лампочек в мире не хватило бы, чтобы ее потратить, чтобы светить, как раздумянное лицо Ильи:

Действие, происходившее в гавани, вдруг перевернуло с ног на голову сознание Петри. С ног на голову. Эти пальмы, растущие столь бережно, темно-фиолетовая вязь южных, тропических звёзд, корабли, груженные сахаром и пряностями, все заставляло Петри пробовать жизнь на вкус ещё и ещё. Петри был восторжен собой и той речью, которой его наделил вождь. Петри задал вождю, конечно, простой, но тем не менее терзавший его всю дорогу вопрос: «Есть ли жизнь после смерти? И тогда, для чего мы живем?». Именно этот вопрос задал Петри, будучи уверенным, что ощущает эмоциональный спад. Конечно, события этой ночи любого бы заставили почувствовать себя неважно: драка с Орлом, падение Хижины, ложь самого Петри, превратившаяся в золото, и дальше по накатанной. Петри грустил и не знал, к чему приведёт его его смысл жизни.

-И тогда.. Для чего мы живем?

-Что ж. Ты заслужил был ведомым в столь поздний час, Петри. Слушай. Но я скажу лишь одно. И, уж конечно, пояснять тебе ничего не буду. Пожалуй, сейчас ты и не поймёшь смысл всего мною сказанного, но поверь, эти слова надолго отразятся в твоей голове. Знаешь, Петри, однажды в мои владения пришли путники. Они плыли долго, уже не один год. Из заморских стран. И вот, между нами произошёл такой диалог. Я им сказал (не желая обидеть, но желая

показать, что они зашли на чужую территорию): «Я вижу, судари, вы заблудились, чем я могу вам помочь?»».

-«О, Господин старец, мы лишь следуем своему пути. Но, будь так любезен, укажи нам укрытие или поделись своей бесконечной мудростью, я вижу, ты обворожительно приручаешь свой поплавок. Или, быть может, сам поплавок расскажет нам о своей мудрости? Нам было бы очень интересно послушать. Мы-путники, и мы направляемся на юг.» Конец.

-Я, конечно, мог бы начать их учить жизни и взорваться, как вулкан, донося о вопиющем неуважении к старцу, но я бы потратил свои силы зря. Порой, чтобы заговорить со вселенной, нужно настроиться на ее частоту. А она может быть не всегда приятной для слуха. Им я лишь рассказал о мудрости танца, а после поинтересовался: за того ли они меня приняли? Вселенная же отвечала мне языками этих людей, что меня поджидает опасность. Потому что путники сказали, что приняли меня просто за старика этого острова. Но никак не за его вождя. Они думали, что у острова вовсе нет вождя, и лишь хотели достойно попрощаться с его жителями. Острову тогда грозила опасность. В тот день произошло великое извержение вулкана Клати. И я сейчас говорю с тобой лишь потому, что смог услышать вселенную. Меня предупредили эти ребята.

Лодка бросалась на волны, как цепной пёс. И полностью их поглощала. В тот день, после прочтения Ильей романа, ребята долго ещё говорили, а после и спорили, о смысле жизни. Владимир заявил, что Илья описал неправдоподобно, и ни один старик в мире не будет так говорить, не будет таков смиренен, и ни один вождь-таков смышлён. Отти, доедая банку варенья, скребя ложкой по задворкам этого городка, возразил. А раздумывавшийся от тепла Кристиан сказал, что, несмотря ни на что, горд спать в одной каюте с писателем. С чем Владимир, кашлянув вслух о своей глупости, согласился. Чтобы разрешить спор, ребята договорились: в ближайшем порту поговорят со стариком, и если Илья будет неправ, то он должен отыскать четыре пиццы. А если Владимир-то пройти из одного окончания острова в другой пешком. На чем друзья и порешили. Засыпая, Отти думал о новом блюде, уже десятом в его списке: акульем филе, обжаренном на выжимке из орехов, под лаймом и айвой, преподнесенным вместе с морской солью. И был счастлив.

Старик отвечал:

А ничего старик не отвечал, ведь первую фразу «Я вижу, судари, вы заблудились. Чем я могу вам помочь?» произнёс вовсе не он, а Кристиан, решив подшутить над своими товарищами. А те спросонья приняли скульптуру старика, ловящего рыбу, сзади, за настоящего человека. Итак, где-то в шесть утра в Висбю, близко к набережной, от улыбки проснулся мальчик лет семи-восьми. И, излучая тепло, перевернулся на другой бок. Ему снилось, что три больших дяди разговаривают со статуей и смеются, оттого, что он их пощекотал.

Глава 8 «Женская тушь»

«Что ж, любить, так любить, нас так учили Достоевский с Мураками»... Насвистывая эту душевную мелодию, Илья вспоминал юность. Как он по дороге в машине слушал эту песню. Сейчас Илья понимал, что, похоже, в тот момент был действительно счастлив. Однажды, глядя на себя в зеркале в восьмом классе, этот пятнадцатилетний парень решил: восьмой класс, пожалуй, апофеоз моего счастья юности. И, доставая полотенце с полотенцесушилки, чтобы принять душ, Илья на секунду взглянул на желтую, в потолок, лампочку, а когда вновь посмотрел

на себя в зеркало, заметил слёзы у себя на глазах. Чуть позже, года через два, вспоминая этот момент в школе, он задумывался: что, если смех-это одобрение? А слёзы, напротив-поричание. И все в его теории совпадало, сходилось настолько, что одурманенный, буквально прятный в своих мыслях парень хотел свою идею даже патентовать. А после его знакомая, одноклассница, задала вопрос: Но что тогда значат смех истерики, слёзы счастья? Поначалу Илья задумался, буквально впал в Марианскую впадину этой мысли, которая окутывала его, как кальмар. Как, кстати, насчёт Марианских островов? Не хотите? Я мог бы отправить туда нашего с вами героя. Так вот, сначала Илья погрузился, а после вскрикнул: «Эврика!», и высунул, как Эйнштейн, свой язык. Слёзы радости означают мягкий укор себя, за столь продолжительное счастье, ведь не зря говорят: если долго смеяться-потом плакать будешь, а истерика смеханаоборот. Хотя, лично я не верю в плохие приметы. Как написал Макс Фрай в книге «Сказки Старого Вильнюса», приметы бывают только хорошими. Так или иначе, в тот раз у меня образовалась целая теория о значении человеческого смеха. Что вы думаете на этот счёт? Согласны? Против? Готовы дополнить? Я готов к сотрудничеству! Пишите, +79153302068, я буду рад вам помочь! Что же наши герои? Уж не плывут ли они вдоль Марианских островов? Но-но, пока ра-но-ва-то! Обещаю, я выпущу об этом отдельную книгу с братом, если вам понравится «Честность».

-В точку, Илай!

Илья, кстати говоря, шёл и насвистывал песенку. Его спутники по моряцки, уже даже привыкнув к походке такого рода, переставляли ноги по булыжным улицам Висбю. Ребята, казалось, всепоглощало чувство своей свободы. Ощущение, что они отрезаны от мира, предоставлены сами себе, а к тому же могут и пропитать себя, и дать помечтать себе в волю, было непередаваемо. Свобода выбора была настолько велика, что путники всерьёз задумывались, не побродить ли им весь этот день в роли, извините за тавтологию, бродячих музыкантов, но Владимир предложил отложить всю эту идею хотя бы до города Бремена. Ах, какое же у меня сегодня прекрасное настроение, дорогие читатели! Просто знайте, как я люблю вас всех! Влади предложил поехать в Бремен, потому что в детстве он там жил. А потому ребята взялись вытаскивать карту, чтобы посмотреть, где хоть есть этот Бремен? Узнав, чуть погодя, что Бремен совсем недалеко от воды, порешили и вовсе туда заехать. Глядя на карту, Илья испытывал какое-то благоговение перед всем, созданным в мире. Вспоминая, что у Паоло Коэльо, например, эта сила называется Агапе или любовь всеобъемлющая. Остальные путники находились примерно в таком же состоянии. Они ещё не завтракали, но проходя мимо только-только открывающихся кафе вовсе не желали туда заходить, а зашли по дороге в церквушку, поставили свечки за здоровье своих родителей. Встретившийся им на входе монах угостил их каким-то чудным чаем из ягод «волшебных полей» Скандинавии. Разговорились, узнали: монаху тридцать четыре года. Раньше он работал в офисе, в Испании, но что-то привело его сюда, на север. Монах говорил: «Где север, там больше мудрости». Его мечтой было бы построить церковь в тундре или арктической пустыне. И жить там. Илья замер в отрешённом состоянии. Он с блестящими глазами оглядывал все окружающее его. Глядя на католический шкаф, он постигал природу жизни, её пресловутые па. В шкафу стояли разные хрустальные, фарфоровые и ещё бог знает какие чаши, своими узорами напоминавшие то гжель далекой родины, то плетение персидских ночных тротуаров. Дверцы на шкафу изображали средневековье. И думая, представляя, сколько же лет они висят вот так, неподвижно, перед ликом Господа и вселенной, Илья снова и снова в глубоком почтении замирал перед ними.

-Славься, о ты, живейший из юношей, да пребудет с тобой сила терпения и покорности Божия, да не убудет вместе с тобой с этим твой огонь в глазах. Поверь, ты найдёшь всё, что искал, юноша. Так найди же то, что ты действительно ищешь!

Выходя из церкви, путники, весёлые, здоровые, но с уже остывшим пылом духовного, в первом же кафе набросились на еду.

Илья, конечно же, заказал себе карбонару в томатном соусе и местный, чуть забродивший квас. Отти исхитрился в большей степени: он решил проверить, на что же будет похоже его новое блюдо и велел повару приготовить его же простенький рецепт: картофель, казалось бы, обычный картофель, но под сахаром и запечённый с имбирем. Мясом к этому умопомрачительному гарниру шли маленькие селёдки, приправленные сметанно-чесочным соусом и обогащённые зеленью-в нашем случае щепоткой салата, но вы на своей кухне вместо салата можете использовать и небольшую гроздочку Винограда, главное, чтобы послаще. Если вы, конечно, не вегетарианец. Но вегетарианцев прошу не расстраиваться раньше времени. Тем более, что я всегда уважал овощи и однажды, быть может на время примкну к вашему царству. Так что, рецепты для вегетарианцев будут непременно, пожалуй, уже в следующей главе. Или раньше? Кристиан, к примеру, спортсмен и заказал луково-томатный салат, заготовленный из свежих овощей, зелени и брынзы. Вышло островато-жгуче, но что поделаешь-уроженцы Африки, они такие. Кристиан, кстати говоря, был родом из Эфиопии. Неожиданный поворот, а, в книге?! Ха! Будет, будет ещё и не такое. И лишь Владимир оставался верен себе: стакан светлого, мясо, гренки-вот все, что нужно простому человеку для счастья. Сразу чувствуется-немец!

Позавтракав-пообедав, так, что времени было уже за полдень, ребята рассчитались и вышли из таверны в настроении довольно похорошевшем, но все же с оттенком светлой грусти. Денег, при учёте вырученных за бензин оставалось лишь на билеты в одну сторону до Идэна, и (если бы они с Идэна как-то попали бы обратно) на дорогу до Шербура. Без пересчета на самолёт-все равно не хватало. Было решено: в Идэн возвратятся по любому, а там выяснят: а стоит ли вообще продолжать путешествие? Со спокойной душой отправились гулять по Готланду. Путь от Висбю до Льюгорна был велик. Около сорока пяти километров. Стараясь все же экономить, в местном порту взяли напрокат велосипеды, самые дешёвые, скрипучие, пожалуй, ещё довоенных времен. В этом был определённый шарм. Выезжая от порта, двигались по брусчатке. В гору, уже к вечеру. Старинные, кирпичные и обожженные ветром постройки рядами появлялись перед глазами путников. Захватили десять-пятнадцать яиц, овощи, и порцию Отти из ресторана (парень решил вкусить свою идею, дав ей чуть чуть настояться на свежем воздухе). Илье вспомнилось, как в детстве, под гору, он так же гулял с родителями, как эти туристы сейчас, хоть и без разноцветного мороженого в своих руках. И да, это был Готланд. Лет в девять, с родителями, я был там. Помню я немного, но только то, что я помню, действительно было похоже и на Ниццу, и на Сицилию... Гуляя однажды в летний тёплый день по Висбю, купили то самое цветное мороженое. Помню цвета, которые были: желтый-дыня, розовый-малина, белый-обычный пломбир. Помню место, где находился магазинчик: справа-сплошная кирпичная стена, слева-старые, с историей многих веков, выдавшие снежное Рождество и лиственный Хэллоуин, домики. Спереди-та самая дорога-лестница, опускающаяся вниз, к морю. Помню осу, которую я так боялся. По-моему, из за осы я уронил свой кулечек с мороженым, и мой замечательный папа, лишь слегка пожурив, купил мне новый. Ах, детство! Самое счастливое время на свете, когда мы ещё дети, все ещё дети! Самое счастливое время на свете! (Песня музыкальной группы 25/17). Кристиан крутил свои педали, покрасневшийся, и тоже вспоминал о детстве. Уже о своём.

Однажды, когда засуха в Африканские поля пришла незаметно, а воды в укромных местечках было ещё не припасено, Кристиан вместе со своим старшим братом усердно работал на плантации. Было голодно. Мучила жажда. Картины Эфиопской пустоши из легкого зноя и запаха пряностей, как себе представляют Африку европейцы, переходила в уже ни на что не похожий землистый, мозолистый цвет ключей, связка которых служила воротами не то в ад, не то в ещё более засушливые месяцы. Работали много. Когда солнце достигало Зенита, на секунду, лишь на секунду, как казалось Кристиану, садились передохнуть. И тогда в воздухе мигом поднималось огромное облако пыли, будто дух угоревшей пустыни, умирающей у Земли на руках. И вот, секунда проходила, солнце вновь давало неумолимый, неприязненно медленный отсчёт. И Кристиан раз за разом прокручивал у себя в голове одну мысль, как горный водопад обтачивает в себе круглый камень, что через годы превращается в острие. Однажды мысль напавал изнутри пронзила Кристиана: «Зачем мы идем здесь, как рабы, если ни денег, ни пропитания, нам все равно не выдают вовсе? Уже как с неделю. Зачем, брат?» И брат, задыхаясь пылью, отвечал: «Знаешь, Кристиан, порой следует просто делать. Ждать и наслаждаться тем, что ещё жив, Кристиан. Ведь, если тебе сложно, значит сейчас ты уже на финишной черте. Конец где-то рядом. Терпи, Кристиан.» На русском эта поговорка звучит так: Утро вечера мудренее.

Ребята вкатывались уже на проселочную дорогу, вглубь острова, и их велосипеды поднимали пыль. Свет пролился на природу успеха Кристиана. Теперь всегда он действовал в соответствии этим правилом. Но что то я заговорился, а друзья, скрипя, неслись навстречу своему ветру-ветру жизни. И он то завывал, взявшись будто со всеми ветрами мира за руки, ведя с ними хоровод, то прикасался к чему то небесному, лёгкому и, улетаю куда то в рай, затихал. Мысли в голове спутников в этот момент принимали, буквально перенимали у ветра подобное настроение. Это был самый что ни на есть главный аргумент танца жизни. Илья понимал, именно сейчас понимал, что в жизни возможно все. И все танцует. Необычайная история приключилась с путниками по приезде.

Собирался дождь. Синими пятнами вечера, ручьями, тёмными, как женская тушь, в небе над красной Москвой разлилась печаль.

– Кап-Кап.

Первые капли дождя были на удивление горькими.

– Отчего ты плачешь, облако?

Прошло пятнадцать минут. Полыхнул закат своими вступительными аккордами. Тогда облако отвечало:

– Дни мои похожи один на другой. Как зимнее солнце светит, но не греет, так и зима-печаль, что надолго поселилась в моих мыслях, слабо освещает мой путь. И я знаю, что мне нельзя грустить, ведь слёзы мои-дождь. И если я буду много грустить, то меня не станет. Но я не могу. А жизнь течёт, и бескрайний простор жизни снова и снова проплывает мимо меня.

– Зима... Хороша печаль в зимнем лесу, когда ни души вокруг на сотни километров. Первозданный снег, словно настил из невоплощённых мечтаний, покрывало из несбывшихся надежд... Приятно ходить по такому снегу, если умеешь справиться с отчаянием, набравшим внезапно, как полярная ночь, и длящимся столь же долго. Но зима не для слабых духом. Лишь

если ты выдержишь это отчаяние, перенесёшь этот щемящий холод, то ледяная пустыня покажет тебе, как надо любить жизнь.

Но не переживай, облако. В конце-концов ты–всего лишь душа. Разве душе может наскучить жизнь?

Наше тело, как река, что расстиляет на своём пути в тысячи-тысяч километров золоты... крупы... счаст..., по..., лю...,»

-Писал в своём романе Илья, когда путники попали под дождь. Сушась по дороге, поняли, когда Илья рассказал им одну вещь, ребята поняли кое что важное. А дело было вот как: Владимир, Отти, Кристиан, да в общем-то все четверо ехали, разделившись на две полосы, по двое, в левой и правой колонне каждый. Между велосипедами Влади и Отти была натянута котомка, в которой лежал топор. В рюкзак он просто не влезал. Ехали путники по боковой границе колеи, которая ближе к обочине. Илья и Кристиан направляли ребят, если что. Но судили тоже по боковой стороне, так как ветер дул прямо в лицо и сбоку было видно куда лучше, чем спереди. И вот, когда налетел особенно сильный порыв, ребят обдуло ветром, которым ещё сегодня обдувало Америку, ну, или Исландию, топор в котомке вдруг взвизгнул звуками шин Отти, и вместе с обоими велосипедами повалился оземь. Илья и Кристиан, как ни тормозили, все равно налетели на товарищей. И в куче-мале, все грязные, словно раки, которые закопали себя в песок, поняли, с очередным порывом ветра поняли, в чем же было дело. Хотя, конечно, сначала ни в какую не понимали. Илья сказал: «Но посмотрите назад-дело в том, что колея вдруг расширилась! Именно здесь, посреди острова, в этот ненастный буран! Колея вдруг расширилась, и котомка лопнула, вдруг лопнула по краям на привязи, образовав аварию.» «Так бывает и в жизни-сказал после Илья, сушась-порой, чтобы понять, что там дальше, нужно отойти назад. Или хотя бы оглянуться.» Илья понял это, переживая свой дальний рассказ, буквально перебирая его по дороге. Сейчас, когда он занялся писанием новой книги, ему как никогда нужна была поддержка в виде зеркала. Зеркала его души, что отображала бы прошлый танец и сравнивала его изящество со свирепым изяществом танца учения, который Илья танцевал сейчас.

Разве душе может наскучить жизнь? Наше тело, как река, что расстиляет на своём пути в тысячи-тысяч километров золотые крупы счастья, пользы, любви, которые со временем попадут к другим людям. Суждено лишь раз пройти своим маршрутом, впасть в великий океан изобилия, чтобы потом по частицам ветра начать новую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.